ОГЛАВЛЕНИЕ

8 БЕЛЫЙ — ЭТО ЦВЕТ. ПРЕДИСЛОВИЕ

17 ЦВЕТ БОГОВ. ОТ НАЧАЛА НАЧАЛ ДО ЗАРОЖДЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА

От природы к культуре 19
Луна и религиозные культы 25
Неверный образ: белоснежная Греция 31
Шерсть и лен: одеваться в белое 37
О чем рассказывает лексика 43
Белый против черного 50

56 ЦВЕТ ХРИСТА. IV–XIV ВЕКА

Белый цвет в Библии 58
Христианский цвет 62
Белый против красного 69
Вокруг лилии: белый цветник 76
Агнец, лебедь, голубка: белый бестиарий 81
Женский цвет 89

95 ЦВЕТ КОРОЛЕЙ. XV–XVIII ВЕКА

Рождение новой символики 97
Белый, первый из цветов 102
Родиться и умереть в белом 107
Цвет знати 114
Цвет королей 121
Черная краска, белая бумага 127

133 ЦВЕТ СОВРЕМЕННОСТИ. XIX–XXI ВЕКА
Белый и черный больше не цвета 135
Белый цвет художников 142
Чистота — залог здоровья 149
Одеваться в белое 157
Лексика и символика 164
169 БЛАГОДАРНОСТИ
171 ПРИМЕЧАНИЯ
190 БИБЛИОГРАФИЯ

Белый цвет — первый из цветов <…>
С него начинаются наше удовольствие от созерцания
цветов и наша наука их описания <…>
Он похож на луну, звезды, снег и другие явления природы
<…>
Как цвет одежды он подобает людям доброго нрава,
то есть жизнерадостным и решительным <…>
В эмблемах же в сочетании с синим
он означает учтивость и мудрость, в сочетании
с желтым — наслаждение любви, с красным — отвагу
в благородных делах; в сочетании
с зеленым — прекрасную и добродетельную юность.

«Книга о гербах, цветах, эмблемах и девизах»
(Неизвестный автор, около 1480–1485)

БЕЛЫЙ — ЭТО ЦВЕТ
ПРЕДИСЛОВИЕ

Несколько десятилетий назад, в начале XX столетия или еще в 1950-х годах, название этой книги могло удивить некоторых читателей, не привыкших считать белый цветом. Сегодня, по-видимому, дело обстоит иначе, пусть даже и найдется горстка людей, не желающих признавать, что белый — это цвет. Вне всякого сомнения, белый вернул себе статус, которым обладал в течение веков или даже тысячелетий, — статус цвета в полном смысле этого слова и даже полюса силы в большинстве цветовых систем. Как и его собрат, черный, белый постепенно утрачивал цветовой статус в период от заката Средневековья до XVII века: с появлением печатной книги и гравюры (текста и изображения, нанесенных черной краской) эти два цвета заняли особое положение; последовавшая Реформация, а затем научный прогресс вывели их за рамки цветового мира. Наконец, когда в 1665–1666 годах Исаак Ньютон открыл цветовой спектр, тем самым он создал новый цветовой порядок, где больше не было места ни для белого, ни для черного. Это стало настоящей революцией, которая не ограничилась только наукой, но постепенно охватила и другие области знания, а также материальную культуру.

В течение почти трех веков белый и черный в теории и на практике не считались цветами, и мало-помалу из них сложился особый черно-белый мир. Эта концепция была привычной для десяти поколений европейцев, и, хотя время ее господства позади, она не шокирует нас еще и сегодня: с одной стороны, существует черно-белое, с другой — цветное.

И все же наше восприятие в этом отношении изменилось. Впервые эта тенденция проявилась на заре XX столетия, у художников, которые постепенно стали возвращать белому и черному полноценный хроматический статус, утраченный перед закатом Средневековья. За художниками последовали ученые, хотя некоторые физики долго не решались признать белый цветом в полном смысле слова. За учеными в конечном счете последовала и широкая публика, и сегодня, как в повседневной жизни, так и в мечтах и воображении у нас уже почти нет ситуаций, в которых мир цвета может быть противопоставлен черно-белому миру. Лишь в нескольких областях (фотография, кино, пресса, издательское дело) еще сохраняются следы былого разграничения. Но надолго ли это?

Таким образом, название нашей книги не ошибка и не сознательная провокация. Белый — действительно цвет, притом один из основных цветов, такой же, как красный, синий, черный, зеленый и желтый, в то время как фиолетовый, оранжевый, розовый, серый, коричневый принадлежат к группе второстепенных, у которых история короче, а символика беднее.

* * *

Перед тем как попытаться изложить долгую историю белого цвета в европейских социумах, я должен сделать

несколько важных замечаний, которые будут развернуты в последующих главах и при рассмотрении изучаемых периодов.

Первое из них продолжает то, что уже было сказано здесь о белом как о цвете с полноценным хроматическим статусом. В течение столетий в Европе ни в одном из языков не существовало синонимии между понятиями «белое» и «бесцветное». И в древнегреческом, и в латинском языках, как и в местных наречиях, прилагательное «белый» имело множество образных значений (незапятнанный, чистый, девственный, невинный, незаполненный, нетронутый, светлый, сияющий, благоприятный и так далее), но никогда не означало «лишенный цвета». Это значение появилось у него только в современную эпоху. Ранее понятие бесцветности, которое во многих отношениях трудно постичь, определить и представить себе, связывалось с веществом либо со светом, но не с окраской. Для авторов, считавших цвет веществом, то есть некоей пленкой, облекающей предметы, бесцветность — это отсутствие или очень малое количество красящего вещества. Вот почему синонимы слова «бесцветный» следует искать среди таких слов, как «ненасыщенный», «вылинявший», «просвечивающий», «прозрачный». Напротив, у авторов, для которых, как для Аристотеля, цвет — это результат ослабления света при контакте с предметами, для бесцветного логической привязкой и источником возможной синонимии является черное. Но и в первом, и во втором случаях о белом речь не идет.

Восприятие бесцветного как эквивалента белого появится только в позднее Средневековье и в раннее Новое время. И, судя по всему, решающую роль в этом сыграет бумага. Носитель печатного текста и гравированного изображения, бумага, более белая, чем пергамент,

в итоге превратится в своего рода «нулевую степень цвета»[1]. В самом деле, ведь во всяком изображении цвет определяется по его соотношению с фоном, и этот фон — или носитель, каким бы он ни был, — представляет собой «не цвет»: для иллюминированной рукописи это пергамент, для настенной росписи — стена; для станковой живописи — дерево или холст; для гравюры или печатного текста — бумага. В XV–XVI веках массовое распространение бумажных носителей, как для изображений, так и для текстов, способствовало тому, что между цветом бумаги — белым — и бесцветностью возникло нечто вроде синонимии.

Мое второе замечание касается восприимчивости к различным оттенкам белого — с течением времени, по крайней мере в Западной Европе, эта восприимчивость притупилась. В самом деле, есть основания считать, что по сравнению с нашими предками глаз современного европейца гораздо менее чувствителен к многочисленным вариантам белого, и не только к тем, которые встречаются в природе, но и к тем, которые создаем мы сами, как в красильном деле, так и в живописи. В этом смысле наше зрение уступает и зрению обитателей других географических регионов: так, жители Крайнего Севера умеют различать в снежной и ледяной белизне целую гамму тончайших нюансов, часто остающихся невидимыми (и безымянными) для приезжего. Это обеднение отражено и в европейских языках. Сегодня у них в обиходе осталось только одно слово для обозначения белого цвета, а когда-то было несколько, зачастую два, а порой даже больше.

Третье замечание связано с предыдущим: сегодня нам трудно избежать противопоставления белого и черного. Эти два цвета составили почти неразлучную пару, более устойчивую, чем могли бы образовать какие-нибудь

другие два цвета, в том числе синий и красный. Но так было не всегда. В средневековых текстах противопоставление белого и черного встречается нечасто; если же обратиться к изображениям и предметам того времени, то здесь сочетание этих двух цветов, несущее в себе определенную символику, встречается еще реже. Только на изображениях животных (собаки, коровы) и птиц (сороки) можно увидеть черно-белые шерсть и оперение — как их можно увидеть и в природе. В самом деле, до появления гравюры и книгопечатания — поворотного момента в истории цвета — антагонистом белого чаще выступает не черный, а красный. Многочисленные примеры этого мы находим в мире символов, в эмблематике, в моде, а позднее в спортивных состязаниях и настольных играх, где форма команд, их лагеря или хотя бы фигуры, которыми они играют, должны быть двух разных цветов: долгое время здесь соперничают не белое и черное, а белое и красное.

Мое последнее замечание касается символики цветов. Эта символика всегда двойственна, у каждого цвета есть и позитивные, и негативные аспекты. Бывает хороший красный (энергия, радость, праздник, любовь, красота, справедливость), а бывает плохой (гнев, буйство, опасность, вина, наказание). Бывает хороший черный (умеренность, благородство, власть, роскошь), а бывает плохой (горе, траур, смерть, преисподняя, колдовство). Но белый — особый случай: здесь амбивалентность символики не так выражена: большинство представлений, связанных с этим цветом, — добродетели или достоинства: чистота, девственность, невинность, мудрость, покой, доброта, опрятность. К этому можно было бы еще добавить могущество и изысканность в обществе: в течение столетий в Европе белый был цветом монархии и аристократии, особенно в парадном убранстве

и в одежде. Наши белые воротнички, белые рубашки и платья в какой-то мере являются продолжением этой традиции. Долгое время белый был также цветом гигиены: все ткани, прикасавшиеся к телу (нижнее белье, постельное белье, полотенца и так далее), должны были быть белыми, как по гигиеническим, так и по моральным соображениям. Сегодня все иначе: мы спим на белье ярких расцветок и носим нижнее белье любых цветов. Но белый до сих пор остается цветом опрятности и гигиены, по ассоциации с ванными, больничными палатами и холодильниками. Белый — опрятный, чистый, холодный и молчаливый.

И наконец, белый долгое время был цветом религиозного культа и сопровождающих его обрядов. Так, в кодексе богослужебных цветов средневекового христианства и современного католицизма белый полагался для праздников в честь Богоматери и Христа, то есть главных церковных праздников. Связь белого со священными обрядами прослеживается во множестве религий, причем иногда с глубокой древности. Во многих древних культах богам посвящали животных с белой шерстью и птиц с белым оперением, а жрецы и весталки носили белые одежды.

И тем не менее белый не всегда имеет позитивный смысл. Для значительной части Азии и Африки белый — цвет смерти, понимаемой не как противоположность жизни, а как противоположность рождения. Смерть — это новое рождение, вот почему белый цвет является эмблемой и того и другого. В Западной Европе белый иногда ассоциируется с трауром, с усопшими, с привидениями, а порой даже с феями и другими странными созданиями, явившимися из потустороннего мира. Еще чаще белый символизирует пустоту, холод, страх и тоску. Однотонная белая окраска кажется таинственной

и пугающей еще и потому, что за долгие века ни живописцы, ни красильщики так и не сумели добиться того, чтобы созданный ими белый цвет сиял идеальной белизной, подобно лилии, молоку или свежевыпавшему снегу: по меньшей мере до XVIII века все оттенки, которые у них получались, были лишь почти белыми: то есть тусклыми, оттенка некрашеной шерсти, сероватыми, с грязнотцой, с желтизной. Сегодня эти технические трудности преодолены, однако в белом все же остается что-то загадочное и недоступное, притягательное и в то же время вызывающее безотчетный страх, завораживающее и в то же время парализующее, словно этот цвет, в противоположность всем остальным, все еще не полностью освободился от своих сверхъестественных параметров. Надо ли радоваться этому или ужасаться?

* * *

Настоящая книга — шестая и последняя в серии, которая была начата более двадцати лет назад. Ей предшествовали пять других: «Синий. История цвета» (2000); «Черный. История цвета» (2008); «Зеленый. История цвета» (2013); «Красный. История цвета» (2016); «Желтый. История цвета» (2019). Все они опубликованы в издательстве Seuil. Как и остальные, книга построена по хронологическому принципу: это именно история белого, а не энциклопедия, и тем более не исследование роли этого цвета в одном только современном обществе. Я попытался исследовать этот цвет в течение долгого периода времени и во всех аспектах, от лексики до символики, включая повседневную жизнь, социальные практики, научное знание, техническое применение, религиозные моральные предписания, художественное творчество, мир эмблем и представлений. Слишком

часто исследования, претендующие на то, чтобы отобразить историю цвета, ограничиваются только самыми близкими к нам периодами, а порой еще и сосредотачиваются только на роли того или иного цвета в искусстве, что существенно обедняет тему. История цвета не дублирует историю живописи, это нечто другое, нечто гораздо более масштабное, и нет никаких оснований ограничивать ее современной эпохой.

Тем не менее эта книга, как и пять предыдущих, только на первый взгляд является монографией. Цвет не существует сам по себе. Он обретает смысл, он «работает» в полную силу в социальном, лексическом, художественном или символическом аспектах лишь в ассоциации либо в противопоставлении с одним или несколькими другими цветами. По этой же причине его нельзя рассматривать обособленно. Говорить о белом значит — неизбежно — говорить о черном, красном, синем и даже зеленом и желтом.

Эти шесть книг — здание, над строительством которого я работаю более полувека: история цвета в западноевропейских социумах, от Древнего Рима до XVIII столетия. Даже если, как мы увидим на последующих страницах (и как можно узнать из других моих трудов), я часто буду заглядывать в более далекие и более близкие к нам эпохи, мое исследование будет разворачиваться главным образом в этих (уже достаточно широких) хронологических рамках. Оно также будет ограничиваться обществами стран Западной Европы, поскольку, на мой взгляд, проблемы цвета — это прежде всего проблемы общества. А я как историк не обладаю достаточной эрудицией для того, чтобы рассуждать о всей планете, и не имею желания переписывать или пересказывать с чьих-то слов работы ученых, занимающихся неевропейскими культурами.

Чтобы не городить чушь, чтобы не красть у коллег и не превращать книгу в набор цитат и ссылок, я ограничиваюсь тем материалом, который мне знаком и который начиная с 1983 года в течение четырех десятилетий был темой моих семинарских курсов в Практической школе высших исследований и в Высшей школе социальных наук. Выражаю глубокую признательность всем моим студентам, аспирантам, участникам и слушателям этих занятий за плодотворный обмен мнениями, который у нас имел место и, надеюсь, будет продолжаться в будущем. Цвет — нечто такое, что касается всех и связано со всеми проблемами жизни в обществе.